

DOI 10.24411/2686-9764-2020-00018

УДК 14:159.9.01:343.82

Идеи консерватизма в методологии юридической психологии и психотерапии осужденных

С. В. КОВАЛЕВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам;

А. М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности

Реферат

В статье обосновывается необходимость консервативного подхода к развитию теоретической базы методологии юридической психологии и психотерапии осужденных в ракурсе традиционных представлений о духовной сущности человека. Философско-антропологический анализ духовности актуализирует важность традиционных консервативных подходов к познанию духовной сферы человека, допускающих включение богословских парадигм и принципов в виде совокупности образцов экзегетики Священного Писания и других творений Церкви. Показана перспективность дальнейших исследований духовной сущности человека на основе междисциплинарного подхода, предполагающего диалог современной философии и научной психологии с богословием в контексте раскрытия сущности традиционных взглядов на понятие и достижение духовности. Рассмотрен сотериологический аспект духовности в трудах М. К. Мамардашвили, указывающего на необходимость личных усилий в достижении развития благодатной «бытийности» души. Раскры-

то соответствие взглядов М. К. Мамардашвили на символ учению А. Ф. Лосева и Н. А. Бердяева, отрицающих возможность постижения сознания и Высшего разума с помощью слов. Культура, по М. К. Мамардашвили, как некая способность деяния и поведения должна пребывать в условиях универсального неполного знания, которое не представимо и не обозначается символически. Под реальностью бессмертия души М. К. Мамардашвили понимал реальность бесконечной длительности нашей сознательной жизни. В трудах М. К. Мамардашвили, А. Ф. Лосева, Н. А. Бердяева, патриарха Сергия Страгородского подчеркивается важность личных усилий для развития человека и обретения им духовности. М. К. Мамардашвили понимал спасение как постоянное мыслительное усилие человека, претворение чувств в духовный эквивалент и освобождение мысли от культурных объективаций.

Обосновывается истинность православной веры и раскрываются следствия утраты духовности в виде прижизненной смерти души. Постулируется важность дальнейшей разработки метапарадигмы духовности для экспликации ее роли в методологию пенитенциарной науки. Ее идейная концептуальная схема (модель) включает принцип иерархичности и противоречивости базовой концепции релевантных проблеме научных положений, находящихся на нижележащих уровнях.

К л ю ч е в ы е с л о в а : философия; методология; юридическая психология; психотерапия осужденных; консерватизм; традиции; метафизика; символ; культура; богословие; парадигма; неолиберализм; душа; дух человека; духовность; деструктивная духовность; бытие; покаяние; молитва; любовь; сознание; ум; познание; развитие; бессмертие; вечность; понимание; внутренний мир; смерть души; спасение; сотериология; человек; личность; метапарадигма духовности; трансцендентность; иерархичность; апофатичность; эпифания.

19.00.06 – Юридическая психология

The ideas of conservatism in the methodology of legal psychology and psychotherapy of convicts

S. V. KOVALEV – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Personnel;

A. M. CHIRKOV – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety

Abstract

The article substantiates the need for a conservative approach to the development of the theoretical base of the methodology of legal psychology and psychotherapy of convicts in the perspective of traditional ideas about the spiritual essence of man. A philosophical and anthropological analysis of spirituality actualizes the importance of traditional conservative approaches to cognition of the spiritual sphere of man, allowing the inclusion of theological paradigms and principles in the form of a set of exegetical examples of Holy Scripture and other creations of the Church. The prospects of further studies of the spiritual essence of man on the basis of an interdisciplinary approach, which involves a dialogue of modern philosophy and scientific psychology with theology in the context of revealing the essence of traditional views on the concept and achievement of spirituality, is shown. The soteriological aspect of spirituality in the works of M.K. Mamardashvili is considered, indicating the need for personal efforts in achieving the development of the graceful "beingness" of the soul. The correspondence of the views of M.K. Mamardashvili on the symbol to the teachings of A.F. Losev and N.A. Berdyaev, which deny the possibility of comprehending consciousness and the Higher Mind with the help of words, is revealed. Culture, according to M.K. Mamardashvili, as a certain ability of action and behavior should remain in conditions of universal incomplete knowledge, which is not representable and symbolically not designated. Under the reality of the immortality of the soul, M.K. Mamardashvili understood the reality of the infinite duration of our conscious life. The works of M.K. Mamardashvili, A.F. Losev, N.A. Berdyaev, and Patriarch Sergiy Stragorodsky emphasize the importance of personal efforts for the development and attainment of human spirituality. M.K. Mamardashvili understood salvation as a constant mental effort of a person, the conversion of feelings into a spiritual equivalent and the liberation of thoughts from cultural objectivities.

The truth of the Orthodox faith is substantiated and the consequences of the loss of spirituality in the form of the lifetime death of the soul are revealed. The importance of the further development of the metaparadigm of spirituality for the explication of its role in the methodology of penitentiary science is postulated. Its ideological conceptual scheme (model) includes the principle of hierarchy and inconsistency of the basic concept of scientific provisions relevant to the problem, located on the underlying levels.

Key words: philosophy; methodology; legal psychology; psychotherapy of convicts; conservatism; traditions; metaphysics; symbol; consciousness; culture theology; paradigm; neoliberalism; soul; human spirit; spirituality; destructive spirituality; being; the rescue; repentance; prayer; love; consciousness; mind; cognition; development; immortality; eternity; understanding; inner world; death of the soul; the rescue; soteriology; human; personality the metaparadigm of spirituality; transcendence; hierarchy; apophaticity; epiphany.

19.00.06 – Legal psychology

В последние годы для развития теоретической базы методологии юридической психологии, и в частности психотерапии осужденных, все чаще используется платформа философской антропологии. Многочисленные современные философско-антропологические и психологические исследования духовной сферы человека свидетельствуют о важности рассмотрения феномена духовности в области познания субъективной реальности и включения в научную психологию понятий «душа» и «дух» как фундаментальных категорий бытия человека. Отражая интенциональность личности, духовность рождается в культуре и устремляет человека к поиску смысла жизни и совершенству его бытия. Обращение к проблеме духовности как субъективной реальности и основе бытия человека актуализируется парадигмой консерватизма в контексте духовного возрождения наших народов. Сущность идеологии консерватизма заключается не столько в сохранении, сколько в творческом развитии традиционных представлений о влиянии духовной культуры на личность в контексте подлинного и созидательного бытия человека, что приобретает сегодня особую актуальность, поскольку именно духовность определяет сознание народа и вносит свой вклад в психологию сознания, разума, чувств, воли и веры.

Несмотря на всю сложность принятия и восстановления традиционных взглядов на природу и духовную сущность человека, решение этой проблемы продиктовано необходимостью расширения полисемантического контента дискурса духовности, имеющегося в культуре и философии [1; 4; 6; 10; 12]. В этой связи рассмотрение внутреннего мира человека в контексте анализа его родовой принадлежности как духовного существа соответствует консервативной идеологической мировоззренческой плат-

форме. Особое место в трактовке души, духовности и духа человека отводится диалогу философской антропологии и психологии с богословием [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Их взаимодействие, отражающее междисциплинарный подход к развитию традиционных и фундаментальных дискурсов и познания духовной природы человека, способствует не только синкретизму естественно-научного и гуманитарного мышления, но и демонстрирует перспективность подобного анализа духовности, повышающего теоретический потенциал методологии пенитенциарной психотерапии осужденных, духовная сфера которых, как и нравственность, характеризуется дефицитностью [10; 14]. Деструктивная духовность как смерть души при биологической жизни человека является следствием широкомасштабного кризиса и распада духовной культуры, что лимитирует эффективность психотерапии. Разрушительным последствием позитивизма в жизни современного человека и пагубным влиянием антропоцентризма с его неолиберальной идеологией противостоят взгляды консерватизма, методологические принципы которого во многом тождественны принципам постнеклассичности современной науки и философии. Консерватизм как активно развивающееся философское направление в блоке гуманитарных дисциплин и взглядов раскрывает сущность традиционного пути оптимального достижения духовности и сознательного бытия человека. Сегодня он представлен в различных метатеоретических исследованиях, в частности в метапарадигме духовности и сознания [9; 10]. Ее основой явились идеи мировой и отечественной, в том числе и современной, философии, достижения гуманитарной психологии, патристики, образцы экзегетики Священного Писания и других творений церкви, многие положения нрав-

ственного богословия, православной антропологии, сотериологии и других областей науки и человеческого знания.

Особенностью метатеоретического исследования феномена духовности как совокупности идей и смыслов – достижений мысли, полученных в естественно-научных, философско-антропологических, психологических и богословских трудах и учениях, явился анализ ее консервативной функции [9; 10]. Изучение и оценка функции духовности, традиционно анализируемой в сотериологии, дает основание не только для раскрытия онтологической сущности – истинного бытия духа, но и природы деструктивной духовности, что имеет практическое значение, поскольку эффективность психотерапии определяется мерой ее духовного воздействия. Этим положением обосновывается целесообразность дальнейшего рассмотрения роли духовности в сотериологическом ракурсе, представленном в трудах мыслителей, философов, богословов и святых. Так, И. А. Ильин предупреждает нас о губительных и страшных последствиях утраты духовности, что приводит к смерти души при жизни как у отдельного человека, так и у народа. [3, с. 305–332]. Его взгляды соответствуют мыслям о спасении человека и его души К. Н. Леонтьева, предсказавшего неизбежность падения великой Русской империи и распад всех форм западной государственности как следствия отхода от Бога под натиском богоборческого либерализма [5]. В его сотериологии стяжание благодати Святого Духа является залогом и смыслом личного спасения. Истина православного христианства, по К. Н. Леонтьеву, заключается в аскетическом обретении духовности. Ее бытийная истина связана с троической иерархией человека и мира, которая недоступна уму [5]. Классик сотериологии патриарх Сергий (Страгородский) указывает, что «философия без выводов для жизни не есть философия, а пустая игра в философские слова» [11, с. 7]. Причем вопрос о личном спасении – это вопрос самоопределения, а не теоретические рассуждения. Развивая православное церковное учение о спасении, он, как и Н. А. Бердяев, раскрывает ложность западного христианства, построенного по «правовому» образцу вне Христа. Он утверждает, что целью спасения человека является познание Бога и достижение вечной святой жизни в общении с Ним [11, с. 180–265]. Его богословским открытием стало положение о том, что истинная духовность есть созерцание, видение

Бога и они «тождественны спасению – вечному блаженству и вечной жизни» [11, с. 124–127]. Познание Бога и духовности умом он также считает невозможным, поскольку оно достигается лишь чистым сердцем в виде получения даров Его благодати. Патриарх Сергий писал, что Богоподобие останется недостижимым, если человек будет идти к Нему только путем собственного совершенствования независимо от Бога, поскольку спасение совершается по милости Божией. И человек в достижении спасения, то есть святости, должен собственными усилиями и свободным выбором стать участником истинной Божественной жизни. Он предупреждал, что при отхождении от Бога душа становится мертвой [11]. Это означает, что святое общение с Богом – не обязанность, а прямая необходимость.

Для осознания этого следует рассмотреть понятия души и духа в православной антропологии, основанной на догматическом и нравственном богословии – толковании и философском осмыслении Священного Писания Отцами Церкви [3; 4; 7; 8]. Ее предмет – человек, но сотворенный Богом, спасенный Им и идущий к Нему как во временной жизни, так и в наследие вечности. Особенностью методологии православной антропологии является разработка модели человека сверху вниз, то есть от Бога к творению. Христоцентричность и иерархичность – главные принципы, исключющие существование человека вне Бога. В строении души различают сущностное и экзистенциальное, которое есть ее бытие, жизнь, энергии, то есть форма деятельности, не сводимая к онтологии. В ней раскрываются не только новая реальность, но и новые формации (мистические органы души), не имеющие своей природно-сущностной основы – сердце, сознание, совесть и т. д. К общим положениям в понимании души как субстанции со своими свойствами относятся ее тварная духовная сущность, невещественность, уникальность, самостоятельность жизни, бессмертие, разумность, словесность и т. д. Душа самобытна и прекрасна, но ее образ не имеет однозначного понятия, поскольку в творении душа получает образ небесный, но в процессе бытия приобретает черты образа жизни человека. То есть душа имеет образ, отражающий как божественные онтологические, так и индивидуальные, конкретные, экзистенциальные черты [4; 7; 8].

Под духом человека понимается плод Духа Божия, Который приходит через бла-

годать Божию – действия (энергии) Святого Духа [3; 4; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 13]. Благодать есть духовный дар, требующий конкретного душевного усилия, и познается в том виде, в каком реализуется деятельность души. В сверхчувственном созерцании благодать познается как свет, радость, сердечное тепло. Метафорично дух человека – это как бы «душа души». С понятием духа, его действия связано сознание человека – сложный синтез многих процессов, сверхдушевный уровень бытия души. Сознание есть плод духа, присутствие духа (наитие), то есть иное знание, знание как бы извне. Духовная жизнь – внутреннее творчество человека, сосредоточие духовного совершенства, она проявляется как ум, любовь, воля, совесть, вера, а дух человека – единство всего этого. Следствием обретения духовности как преобразующего действия даров Святого Духа является формирование личности как образа и подобия Божия [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 11]. В. Н. Лосский указывал, что «дело же Святого Духа относится к человеческим личностям, обращается к каждой из них в отдельности» [8, с. 125]. Богоподобие предполагает обожение души, которое и есть богоуподобление, то есть спасение [3; 4; 5; 6; 7; 8; 11]. Один из величайших святых XX в. русский подвижник преподобный Силуан Афонский говорит, что Святой Дух учит нас творить волю Божию и любить, Он просвещает, дает силы делать добро и возможность видеть Бога [10; 12; 13]. При этом «Бог не может быть познан простым умом», так как духовное познается только «духовным» [13, с. 312]. Святой Силуан предупреждает, что утрата духовности (благодати), охлаждение и смерть души еще при жизни, как и будущие неизмеримые ее мучения после физической смерти, – следствие неисполнения Заповедей Божиих [6; 12; 13]. То есть человек может лишиться духа, что означает богооставленность, и окончательная его утрата есть смерть души.

Невыразимые страдания человека как последствия прижизненной смерти души раскрыты в экзистенциальной сотериологии М. К. Мамардашвили. Философ свидетельствует о необходимости личных усилий в достижении состояний духовного восхождения (акта высшей «мыслимости» вне слов) сознания как благодатной «бытийности» души [9]. Его живая, личная, современная и вечная философия духа не помещается в матрицу течений и школ современной западной философии. Эта философия – традиция бессмертия, сосредоточенная на

жизни сознания и непрерывного введения в состояние мысли. Само понимание при этом не является чем-то совершенно отрезанным от тайны, оно обретается в тайне и является тайным пониманием. В основе понимания, по М. К. Мамардашвили, лежат метафизические апостериори, а не логические допущения или экзистенциальные жесты с их тайной. Философия понимается им как подлинная и универсальная метафизика, хотя и идущая «поверх учений и систем» [9, с. 167]. В его устном способе метафизических размышлений философия становится этикой, выступающей в виде познания. Размышляя над тем, как сочетаются воображение того, что есть, и думание невыдуманного, свобода принудительного и случайность необходимого, философ в качестве основного транспорта движения (усилия, держания, напряжения, интенсивности) мысли выбирает метафору, новозаветные образы, используя богословский лексикон в исихастской традиции (апофатизм, созерцатель и участник, эпифания, воскресение души, спасение и т. д.). Созвучными аскетическому богословию являются мысли М. К. Мамардашвили о возможности и способности выйти человеку из собственной тьмы лишь в событии встречи. Преобразуя установку декартовско-гуссерлевского трансцендентализма (я мыслю, следовательно, я есмь) в экзистенциальную формулу онтологии времени (страдаю и любя, я вспоминаю и, следовательно, я есмь), он утверждает, что есть, бытийствует не только видимый, но и невидимый мир [9, с. 132]. Философ указывает, что сознание, научившееся воссоздавать наличное, является нетривиальным типом сознания, в поле которого могут встречаться образ и мысль. В его радикальном тезисе о том, что сознание там, где нет языка, а там, где есть язык, нет сознания, сознание приравнивается к действительному положению вещей. Он протестует против онтологизации бессознательного, наделения его самостоятельным существованием, указывая, что в освобожденном от процедур классической рефлексии сознании действуют символы, конструирующие реальность по присущим им особым законам. По М. К. Мамардашвили, символ – это то, что «вводит» в сознание, но одновременно он есть вещь, и в отличие от знака, не имеет отличного от себя означаемого. Здесь философ близок к мыслям А. Ф. Лосева, о том, что миф – символ, получивший статус бытия, вещи, и есть сама действительность. М. К. Мамардашвили указывает, что помимо вещественной ча-

сти, проросшей в объект (чего-то видимого), символ включает и то, что проросло в нашу сознательную жизнь, а их соединение и есть понимание. Взгляды М. К. Мамардашвили на символ соответствуют учению А. Ф. Лосева и Н. А. Бердяева, что проявляется в использовании ими апофатического подхода. Как и указывающий на недоступность познания и определения Первосущности А. Ф. Лосев, М. К. Мамардашвили, исследующий проблему метафизики сознания и культуры, отрицает возможность постижения сознания и Высшего Разума с помощью слов. В обоих случаях четко просматриваются богословский принцип апофатичности и исихастская проекция мысли философов, требующая иной созерцательной духовной традиции и особой символики, наполненной иным содержанием. Культура, по М. К. Мамардашвили, переводит символы сознания в собственные знаки – псевдосимволы, в связи с чем символ в культуре деградирует и теряет связь с сознанием. Он подчеркивает, что культура как некая способность деяния и поведения должна пребывать в условиях универсального неполного знания, которое не представимо и не обозначимо символически. Только бескультурье требует знания и обладания, тем самым уничтожая свой предмет, превращая его в проекцию своей воли.

В философском подходе М. К. Мамардашвили к сознанию как парадоксальности и немислимой неисчерпаемости его бытия (инобытия) иносказательно, в преобразованном ключе философии символа, мифа и недоступного слову образа во всей глубине выступает богословское начало в учении о духовности, соотнесенное с психологической топологией бытия человека на пути к вечной жизни (его спасении). В его творчестве ярко отражена «лестница духовного восхождения» – божественный мрак и возможность достижения сверхдушевного уровня ума и сознания (созерцания Бога). Он утверждает невозможность опредметить специфические состояния духа, а в его речах и текстах неизбежно присутствует новозаветная и часто апокалипсическая (эсхатологическая) коннотация. Сущностью христианства он считал принципиальную возможность реализации бесконечного в конечном, достигаемой путем самостоятельного человеческого труда. Под реальностью бессмертия души М. К. Мамардашвили понимал реальность бесконечной длительности нашей сознательной жизни – нашей души, той души, «которую мы и знать

не знаем, и отдать на растерзание не желаем никому» [9, с. 137]. Основным вкладом в сотериологию и философскую танатологию явилось его понимание необходимости спасения путем постоянного мыслительного усилия человека, претворения чувств в духовный эквивалент, освобождения мысли от культурных объективаций. Для достижения эпифании (благодатного состояния) следует высветить способность мысли к самопорождению и получить духовные эквиваленты, позволяющие выйти в другое, неподвластное распаду время (вечность). Выпавший из такого бытия человек становится мертвым при жизни, и это состояние (зомби) более страшное, чем смерть, оно ассоциируется с адом. Поэтому человек всегда должен находиться в стадии становления, поскольку он не существует, он «становится» (и это постоянный акт), а ад – «это вечная несмерть» [9, с. 184]. Его христианское мировоззрение раскрылось в призыве к Грузии идти ко Христу, а не к Сатане – западной «демократии», наркотикам и войне. Последними словами философа были слова о вечной жизни души.

Таким образом, в отечественной философии и богословии показана необходимость спасения человека через достижение духовности, то есть богосоответствие своей жизни. При этом указывается невозможность познания духовности и Бога умом, но только сердечным созерцанием, являющимся даром Бога (благодати Святого Духа). Подчеркивается важность личных усилий и духовной практики (покаяния, очищения, молитвы и т. д.). Раскрывается забытое понятие религиозного метода, ведущего человека к Богу, единение с Ним. Утверждается, что Христос и есть истинный метод и путь спасения. Обосновывается истинность православной веры и раскрываются следствия утраты духовности в виде прижизненной смерти души. Из представленных данных можно заключить, что душа человека оживотворяется, получает жизненность, жизнестойкость и вечную жизнь благодаря энергийной божественной природе духа. Душа приобретает определенную меру духовности, эквивалентную затраченным усилиям по исполнению условий для получения благодати (даров) Святого Духа. Обобщенная сущность этих условий (покаяния, молитвы и т. д.) заключается в одном слове – любовь, потому что Бог есть Любовь. Об этом свидетельствует вся практика православия, которая раскрывается в изучении опыта Святых Отцов,

являющегося не только богословием, но и живым опытом богообщения, истинность которого доказана не логическими процедурами, а жизнью святых. И если человек исполняет данный Богом Закон – Закон сотворенной Им Вселенной, то душа его не имеет границ получения благодати Святого Духа, и даже материя тела освящается и сохраняется в вечности. Не соблюдая условий (Закона), душа становится мертвой, лишаясь бытия. Этот Закон – образ и заповеди Христа, которые были, есть и останутся для всех непреложными в деле личного спасения. Свет евангельского учения исходит от самого Христа и Его слов: «Он (Отец) дал мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная» (Ин. 12, 48–50). Богослов и подвижник, ученик святого Силуана, блаженный старец архимандрит Софроний (Сахаров) пишет, что «боговоплощение дало человечеству возможность вступить на верный путь ко Отцу через пребывание в духе заповедей Христа во всех обстоятельствах земной жизни» [12, с. 201]. Все святые указывают, что человек в своем стремлении сохранить и исполнить заповеди приходит к осознанию своего бессилия, но даже краткое пребывание в духе слова Божия позволяет постичь, что только заветы, данные Христом, являются нетварным Светом Божества. Церковь, как говорит нам старец Софроний, «основана на КАМНЕ исповедания БОЖЕСТВА Христа Иисуса» [12, с. 187]. И задачей спасения человека является стояние на Этом Камне, соблюдая в неизменном постижении заповеди Христа. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в одной из проповедей на пасхальной седмице 2019 г. указал, что подвиг христианина, как и Самой Церкви Христовой, – это не только сверхусилие, это движение вперед и вверх. По мнению архимандрита Софрония, далеко не все люди обладают достаточным мужеством, чтобы жить по заповедям Христа, но спасение, то есть совершеннейшая жизнь в Боге, выражено в простых словах Его заповедей [12, с. 80]. Он свидетельствует, что христианство «не есть некоторая философская доктрина, а именно ЖИЗНЬ, Жизнь и любовь...» [12, с. 168]. Митрополит Иларион Алфеев указывает, что заповеди блаженства Спасителя должны применяться современным человеком в деле его спасения, отмечая, что они содержат неизмеримую кротость и любовь Спасителя к человеку, освободившего нас от рабского состояния. Для нас они яв-

ляются Евангельской Истиной и указывают путь для спасения души [2].

Следовательно, в исследованиях духовности человека отражается тесное взаимодействие антропологии древности с философией и богословием. Одним из ключевых положений духовной метапарадигмы сознания и стресса, разработанной на этой платформе в пенитенциарной стрессологии, явилось признание стресс-лимитирующей функции духовности. При этом консервативный подход к духовной сфере рассматривает человеческий живой дух в качестве системообразующего начала, истоком которого является действие в душе Святого Духа. Дальнейшее развитие этих теоретических положений в методологии пенитенциарной психотерапии связано с исследованием роли традиционной культуры с целью минимизации негативных психических состояний и явлений у осужденных, а также с обоснованием положений метапарадигмы духовности и принципов постнеклассической философии в позитивной трансформации их духовной сферы. Это обосновывает необходимость построения многоуровневой и одновременно монопарадигмальной диалектической системы для анализа многогранных функций духа. Архитектоника такой методологической системы должна отвечать принципам иерархичности, и ее разработка предполагает включение множества подходов к исследованию проблемы с позиций догматической («или–или»), сетевой комплексной («и–и») и диалектической системной (понятийной) логики. Диалектичность подобного подхода заключается в допущении (терпимости) доминантной парадигмой верховного уровня других, противоречащих ее идее положений и взглядов, находящихся на нижележащих уровнях. Каждая из входящих в систему парадигм должна обладать высоким научным потенциалом и быть релевантной «проблеме определенного типа». Основой аранжировки разрабатываемой философской метапарадигмы в качестве залога развития базовой идеи, определяющей интегративную роль духовности, выбраны принципы противоречивости и диалогичности с парадигмами квантовой механики, платонической, платиновской, августиновской, паламистской и т. д. Это позволит рассмотреть главные ценностные состояния сознания – осмысленного бытия духа в превенции и коррекции деструктивной духовности осужденных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2015. – 522 с. – ISBN 978-5-88687-223-1 (Деловая книга).
2. Иларион (Алфеев), митрополит. Иисус Христос: жизнь и учение. В 6 книгах. Книга 4. Притчи Иисуса / Митрополит Иларион (Алфеев). Москва : Изд-во Сретенского монастыря, Эксмо, 2017. – 608 с. – ISBN 978-5-7533-1214-6.
3. Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / Иван Ильин. – Москва : АСТ, АСТ МОСКВА, 2006. – 668 с. – ISBN 5-17-038152-2 (АСТ), ISBN 5-9713-3273-2 (АСТ МОСКВА).
4. Иоанн (Мейендорф), протоиерей. Введение в святоотеческое богословие / Протоиерей Иоанн Мейендорф. – Минск : Лучи Софии, 2007. – 384 с. – ISBN 978-5-985-6171-82-9.
5. К. Леонтьев, наш современник / Составители Б. Адрианов, Н. Мальчевский. – Санкт-Петербург : Издательство Чернышева, 1993. – 469 с. – ISBN 5-85555-008-7.
6. Ларше, Ж.-К. Преподобный Силуан Афонский / Ж.-К. Ларше. – Москва : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2015. – 312 с. – ISBN 978-5-7429-0471-7.
7. Лосский, В. Н. Боговидение / В. Н. Лосский. – Минск : Белорусский Экзархат, 2007. – 495 с. – ISBN 978-985-511-073-7.
8. Лосский, В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В. Н. Лосский. – Москва : Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
9. Мераб Константинович Мамардашвили / под ред. Н. В. Мотрошиловой. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 438 с. – ISBN 978-5-8243-1218-8.
10. Оботурова, Н. С. Философско-антропологические основания методологии психотерапии осужденных : монография / Н. С. Оботурова, А. М. Чирков. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 186 с. – ISBN 978-5-94991-469-2.
11. Сергей (Страгородский), архиепископ. Православное учение о Спасении / Архиепископ Сергей Страгородский. – Санкт-Петербург : Общество памяти игуменьи Таисии, 2010. – 320 с. – ISBN 978-5-91041-034-7.
12. Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть / Архимандрит Софроний Сахаров. – 3-е изд., испр. – Сергиев Посад : Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Свято-Троицкая Сергеева Лавра, 2016. – 400 с. – ISBN 978-5-00009-120-3.
13. Софроний (Сахаров), схиархимандрит. Преподобный Силуан Афонский / Схиархимандрит Софроний Сахаров. – 4-е изд. испр. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергеева Лавра, 2015. – 536 с. – ISBN 978-5-00009-073-2.
14. Чирков, А. М. Полиmodalная психотерапия ассоциации стрессовых и психических личностных расстройств у осужденных / А. М. Чирков // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2017. – № 1 (37). – С. 67–71.

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The philosophy of freedom. The meaning of creativity. Human Justification Experience]. Moscow, 2015. 522 p. (In Russ.).
2. Ilarion (Alfeev), mitropolit. *Iisus Hristos: zhizn' i uchenie. V 6 knigah. Kniga 4. Pritchi Iisusa* [Jesus Christ: life and doctrine. In 6 books. Book 4. The Parables of Jesus]. Moscow, 2017. 608 p. (In Russ.).
3. Il'in I. A. *Aksiomy religioznogo opyta* [Axioms of Religious Experience]. Moscow, 2006. 668 p. (In Russ.).
4. Ioann (Mejendorf), protoierej. *Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie* [Introduction to Patristic Theology]. Minsk, 2007. 384 p. (In Russ.).
5. Adrianov B., Mal'chevskij N. (red.) *K. Leont'ev, nash sovremennik* [K. Leontiev, our contemporary]. St. Petersburg, 1993. 469 p. (In Russ.).
6. Larshe Zh.-K. *Prepodobnyj Siluan Afonskij* [Reverend Silouan of Athos]. Moscow, 2015. 312 p. (In Russ.).
7. Losskij V. N. *Bogovidenie* [The vision of God]. Minsk, 2007. 384 p. (In Russ.).
8. Losskij V. N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoj Cerkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. Moscow, 1991. 288 p. (In Russ.).
9. Motroshilova N. V. (red.) *Merab Konstantinovich Mamardashvili* [Merab Konstantinovich Mamardashvili]. Moscow, 2009. 438 p. (In Russ.).
10. Oboturova N. S., Chirkov A. M. *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya metodologii psihoterapii osuzhdennyh* [Philosophical and anthropological foundations of the methodology of psychotherapy of convicts]. Vologda, 2019. 186 p. (In Russ.).
11. Sergij (Stragorodskij), arhiiepiskop. *Pravoslavnoe uchenie o Spasenii* [Orthodox doctrine of salvation]. St. Petersburg, 2010. 320 p. (In Russ.).
12. Sofronij (Saharov), arhimandrit. *Videt' Boga kak On est'* [See God as He is]. Sergiev Posad, 2016. 400 p. (In Russ.).
13. Sofronij (Saharov), skhiarhimandrit. *Prepodobnyj Siluan Afonskij* [Reverend Silouan of Athos]. Sergiev Posad, 2015. 536 p. (In Russ.).
14. Chirkov A. M. *Polimodal'naya psihoterapiya associacii stressovyh i psihicheskikh lichnostnyh rasstrojstv u osuzhdennyh* [Multimodal psychotherapy of the association of stress and mental personality disorders in convicts]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2017, no. 1 (37), pp. 67–71. (In Russ.).